

УДК 34**Проблемы определения права, применимого к арбитражной оговорке****Романова Полина Геннадьевна**

Студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

e-mail: pgromanova.hse@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена определению права, применимого к арбитражной оговорке, как одному из самых проблемных и недостаточно исследованных вопросов в российской практике и доктрине. Автор пришел к выводу о том, что каждый из ранее использованных судами и арбитражными трибуналами подходов обладает определенными недостатками: либо предусматривает слишком жесткое регулирование, которое не учитывает специфику спора (выбор права места арбитража, основного договора), либо не дает правовой определенности, каких либо четких критериев (правило наиболее тесной связи). Предлагается устранить эти недостатки путем применения принципов, изложенных в Нью-Йоркской конвенции и Типовом законе ЮНСИТРАЛ, которые устанавливают презумпцию действительности соглашений о передаче споров в арбитраж, и принципа валидации (*validation principle*), применимого к выбору права, регулирующего такие соглашения. Этот принцип позволяет, прежде всего, учитывать намерение сторон передать спор в арбитраж, предусматривает альтернативный выбор между различными юрисдикциями, с которыми связано арбитражное соглашение, в то же время позволяя государственному суду или трибуналу определять в каждом отдельном случае необходимость ссылки на конкретную юрисдикцию, по праву которой арбитражное соглашение скорее будет считаться действительным и исполнимым.

Для цитирования в научных исследованиях

Романова П.Г. Проблемы определения права, применимого к арбитражной оговорке// Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 4А. С. 86-94.

Ключевые слова

Арбитражное соглашение, арбитражная оговорка, арбитраж, третейский суд, применимое право, Нью-Йоркская конвенция.

Введение

Выбор права, применимого к международному коммерческому арбитражному соглашению, является одной из проблем в сфере международного коммерческого арбитража, для которой еще не было придумано однозначного и понятного решения. Данный вопрос породил обширные дискуссии ученых и практиков и почти столь же обширную путаницу, что не соответствует идеалам международного коммерческого арбитража, который стремится упростить, ускорить и рационализировать разрешение споров с участием иностранного элемента.

Анализ выбора права, регулирующего арбитражное соглашение, начинается с презумпции «отделимости», иначе «автономности» (*separability*) арбитражной оговорки. Арбитражная оговорка предполагается отделимой от основного договора, с которым она связано и должна трактоваться как соглашение, не зависящее от других условий договора. При этом вынесение решения арбитражного трибунала о том, что договор недействителен, само по себе не влечет за собой недействительности арбитражного соглашения [Коломиец, Григорьев, 2017, с. 5].

Как следствие, теоретически возможно (и что распространено на практике), что арбитражное соглашение сторон регулируется другим правом, нежели тем, который регулирует их основной договор. Определение права, который регулирует отдельное международное арбитражное соглашение - поскольку это не обязательно право, регулирующее основной договор сторон, часто оказывалось сложным и запутанным процессом.

Основное содержание

Выбор права сторонами может осуществляться как путем включения отдельного условия совместно с условием о выборе права, применимого к существу спора, так и путем соответствующего обозначения в арбитражной оговорке. Помимо того, стороны могут включить единую оговорку для обеих частей договора – основной и арбитражного соглашения.

Выбор права может быть как выраженным (*express*), так и подразумеваемым (*implied*). К данному выводу пришел суд в одном из самых цитируемых дел английских судов по рассматриваемому вопросу *Sulamerica Cia Nacional De Seguros S.A. v. Enesa Engenharia S.A* [Pearson, 2013, с. 115]. В этом деле страховой полис, напрямую подчиненный бразильскому праву, указывал на место арбитража в Лондоне в соответствии с правилами ARIAS. Основным вопросом, на который должен был ответить английский суд, было то, регулируется ли оговорка английским правом или бразильским. Суд первой инстанции сразу же перешел к применению правила наиболее тесной связи (*closest connection test*), и применил английское право, поскольку стороны напрямую не сделали выбор права для оговорки. Однако апелляционный суд пришел к иному выводу и отметил, что прежде чем трибунал или суд может применять коллизионное правило наиболее тесной связи, он должен рассмотреть не только выраженный выбор права сторонами (*express*), но и подразумеваемый. В этом контексте судья посчитал, что тот факт, что страховой полис четко регулируется бразильским законодательством, является «существенным признаком подразумеваемого выбора права Бразилии в качестве надлежащего права этого соглашения».

Выраженный выбор права обычно содержится в письменном соглашении (арбитражной оговорке) или же в процессуальных документах или непосредственно устных заявлениях перед арбитражным трибуналом. Подразумеваемый выбор права отыскивается в словах и действиях сторон, которые выражают их намерение подчинить арбитражную оговорку определенному

праву. Подразумеваемый выбор права широко признается в доктрине [Bantekas, 2010, с. 5]. Считается, что он имеет место когда обстоятельства дела свидетельствуют о выборе определенного права с разумной степенью достоверности (*reasonable certainty*) [Bantekas, 2010, с. 6]. Признание подразумеваемого выбора применимого права, таким образом, является развитием принципа автономии воли.

Другие авторы [Czernich, 2015, с. 73] приводят следующую классификацию источников подразумеваемого выбора применимого права:

(а) пункт о выборе права в основном договоре,

(b) ссылка в арбитражной оговорке на определенные правовые положения национального законодательства; или

(с) ссылка на определенный арбитражный институт.

Относительно определения подразумеваемого выбора сторон в практике существуют две принципиально разные позиции. В соответствии с первой считается [Lew, Mistellis, Kroll, 2003, с. 72], что имеет место подразумеваемый выбор применимого права, когда включена общая оговорка о применимом праве (*general choice of law clause*), согласно второй позиции презюмируется выбор права страны места арбитража [Born Gary, 2014, 823].

В соответствии с первой позицией утверждается, что если стороны сделали выбор одного права в качестве права, применимого к договору (включили только общую оговорку о применимом праве, например, «договор регулируется правом страны Х»), существует презумпция того, что это право применяется ко всем договорным условиям. Результатом этого предположения является то, что по общему правилу право основного договора и право арбитражной оговорки должны совпадать.

Преимущественно подход о применении права основного договора к арбитражной оговорке нашел отражение в практике английских судов. Так, к примеру, в решении по делу *Sonatrach v. Ferrell* [EWHC 481, с. 1-13]:

«Когда [материальная] часть договора содержит оговорку о применимом праве, а арбитражная оговорка не содержит отдельного указания, к соглашению об арбитраже по общему правилу будет применяться право основного договора».

В судебной практике сингапурских судов одним из наиболее значимых дел для которой стал кейс *BCY v. BCZ*, главенствующая позиция является аналогичной. Так, судья Чонг Джей пришел к выводу, что если договор предусматривает, что «соглашение» должно регулироваться одной системой права, то естественным выводом является то, что стороны намерены прямо указать право, регулирующее все содержащиеся в договоре положения, включая арбитражное соглашение. Термин «соглашение» является достаточно широким для охвата первичных и вторичных обязательств (то есть для основного и арбитражного соглашений), и нет никаких причин, по которым стороны хотели бы искусственно ограничить его значение. Общую оговорку о применимом праве, по мнению судьи, следует толковать именно таким образом, особенно с учетом того, что такие оговорки, как правило, обсуждаются в рамках основного договора и вряд ли могут быть предметом независимых переговоров [Leong H., Tan, с. 70].

Что касается такого источника подразумеваемого выбора как ссылка на некоторые правовые положения национального законодательства, то стоит отметить, что по мнению ученых, ссылка в арбитражной оговорке на процессуальное законодательство какой-либо страны означает, что стороны хотят подчинить оговорку праву именно этой страны [Czernich, 2015, с. 79]. Так, арбитражная оговорка, довольно часто используемая в Австрии, гласит: «Стороны соглашаются на арбитраж в смысле § 577 Гражданского процессуального кодекса (ZPO)...». Ссылаясь на

Гражданско-процессуальный кодекс Австрии (ГПК Австрии), становится достаточно очевидным, что стороны намеревались подчинить арбитражную оговорку австрийскому законодательству. В противном случае ссылка на австрийский Кодекс не имела бы большого смысла. Таким образом, в качестве общего правила можно сказать, что любая прямая ссылка на положения любого национального законодательства в целом дает основание полагать, что стороны желают распространить на арбитражную оговорку действие закона, к которому относится упомянутое положение.

Если стороны ссылаются на институциональный арбитраж, можно сделать определенный вывод, что они также имели желание подчинить арбитражное соглашение законодательству страны, в которой находится этот институциональный орган. Тем не менее, в таких обстоятельствах намерение сторон должно быть тщательно изучено. Например, выбор арбитража ИСС в Париже может отражать, а может и не отражать волю сторон подчинить арбитражное соглашение французскому законодательству. Это тем более справедливо, если стороны выбирают только Регламент ИСС, но определяют место арбитража в другой юрисдикции, например, в Швейцарии. В таких обстоятельствах следует быть очень осторожным, принимая за основу молчаливый выбор права в пользу места нахождения арбитражного учреждения.

Как правило, выбор арбитражного регламента того или иного учреждения приводит к молчаливому выбору права в пользу закона той юрисдикции, в которой находится данное учреждение, только при наличии соответствующих доказательств того, что это соответствует намерениям сторон. Выбор институционального арбитража сам по себе, как правило, не является достаточным для того, чтобы предположить общее намерение сторон применять законодательство этой страны также и к арбитражному соглашению.

Решая эти вопросы, трибунал должен учитывать, что действительным выбором права может быть только взаимное согласие сторон на применение того или иного закона к арбитражному соглашению. С учетом этого представляется, что ссылка на определенное право в общей оговорке о применимом праве (*general choice of law clause*) свидетельствует об общем намерении сторон самым решительным образом подчинить арбитражную оговорку законодательству этой юрисдикции. Если такая ссылка содержится в самой арбитражной оговорке, то она явно превалирует над любыми другими указаниями, которые могут отсылать к иному праву.

В отсутствие такой ссылки представляется, что наличие в основном договоре прямого выбора норм права четко свидетельствует о намерении сторон подчинить выбранному праву все свои правоотношения, включая арбитражное соглашение. Лишь в тех случаях, когда имеются веские основания полагать, что стороны хотели исключить арбитражное соглашение из-под выбора права в основном договоре, определенную роль могут сыграть и другие показатели. Наконец, выбор определенного институционального арбитражного органа сам по себе в большинстве случаев дает лишь минимальное представление о том, что стороны желают распространить действие арбитражной оговорки также и на законодательство, в котором находится учреждение.

Второй современный подход предполагает применение права места проведения арбитражного разбирательства в качестве права, регулирующего арбитражное соглашение (при отсутствии прямого выбора права сторонами) [Bantekas, 2010, с.3]. За последние десятилетия ряд национальных судов применяли это правило на практике, достигая этого результата либо на основе стандартного правила, предусмотренного статьей V(1)(a) Нью-Йоркской конвенции,

либо на основе независимого анализа вариантов выбора права (как было выше показано в кейсе *Sulamerica*).

Таким образом, в практике до сих пор не сложился единый подход к определению применимого права даже когда сторонами был сделан соответствующий выбор, поскольку в данной сфере не существует ни одного акта, регулирующего эти вопросы напрямую, а судебная практика даже в рамках одной юрисдикции, например, Великобритании, не приходит к однозначному мнению.

Однако наиболее распространены ситуации, когда стороны не делают выбор применимого права, что порождает серьезные трудности как для сторон соглашения, так и для арбитров и судей. Учитывая свойство отделимости оговорки, в доктрине выделяют четыре основных подхода для определения применимого права в отсутствие соглашения сторон: а) право страны суда, где решение признается и приводится в исполнение; б) право места арбитражного разбирательства; в) право, имеющее наиболее тесную связь с арбитражной оговоркой (*the most real and closest connection test*); г) принцип «валидации». Далее каждое из этих правил будет последовательно рассмотрено.

(а) Право страны суда, где решение признается и приводится в исполнение (*law of judicial enforcement forum*)

В целом, данное правило скорее является устаревшим и практически не применяется на практике. Применение права форума (*law of judicial forum*), является неудовлетворительным, поскольку такой подход неизбежно приводит к применению различных национальных законов к арбитражному соглашению в рамках различных форумов. Существует столько же законов, регулирующих арбитражное соглашение, сколько и форумов, где сторона пожелает признать и привести в исполнение арбитражное решение, особенно если активы должника "разбросаны" по многим юрисдикциям.

(б) Право места арбитража/право основного контракта

В случае, когда стороны не выбрали применимое право, для определения действительности оговорки многие трибуналы применяют право места арбитража, что разумно, поскольку именно суды по месту арбитража будут в дальнейшем решать вопрос об отмене решения арбитража. К тому же это правило является более предсказуемым, так как стороны заранее определяют место арбитража.

Основным источником коллизионных норм в данном случае является Нью-Йоркская конвенция. Так, статья V(1)(a) предусматривает норму, которая применяется в тех случаях, когда стороны прямо или косвенно не выбрали право, регулирующее их арбитражное соглашение. Эта общая норма предусматривает применение права места арбитража к материальной действительности арбитражного соглашения. Это правило вытекает из формулировки статьи V(1)(a), которая предусматривает, что суд может отказать в признании арбитражного решения, если арбитражное соглашение было "недействительным согласно праву, которому стороны его подчинили, или, если не указано иное, согласно законодательству страны, в которой оно было вынесено".

Другие же считают [Lew, Mistellis, Kroll, 2003, с. 82], что в таком случае дефолтным правилом будет применение права основного договора, руководствуясь той же логикой, что была показана в предыдущем разделе.

(в) Право, имеющее наиболее тесную связь с арбитражной оговоркой (*the most real and closest connection test*)

Применение исключительно законодательства места арбитража, основанное на

процессуальных аспектах арбитражного соглашения, было также признано исследователями неудовлетворительным [Born Gary, 2014, с. 832]. Самое главное, этот подход игнорирует договорный характер арбитражных соглашений (которые могут, но не обязательно, иметь самое непосредственное отношение к месту проведения арбитражного разбирательства).

Автоматическое применение права места арбитража также (как было показано выше) ошибочно объединило право, регулирующее арбитражное соглашение, с правом, регулирующим арбитражное разбирательство. Критики справедливо отметили, что правом, регулирующим арбитражное разбирательство, может и не быть право места арбитража [Blessing, 1997, с. 168] и что в таких обстоятельствах применение права места арбитража к арбитражному соглашению является неразумным. В то же время исключительное внимание, уделяемое праву места проведения арбитража вновь игнорирует тесную (как текстуальную, так и функциональную) связь между арбитражным соглашением и основным договором.

С другой стороны, неудовлетворительным является также исключительное внимание к праву, регулирующему основной договор в том, что касается арбитражного соглашения. Этот анализ в значительной степени противоречил основным предпосылкам презумпции отделимости арбитражного соглашения. Таким образом, хотя положение о выборе применимого права, регулирующее основной договор, теоретически может распространяться на соответствующее арбитражное соглашение, это не является неизбежным следствием такой оговорки: точно так же, как недействительность или прекращение действия основного договора сторон может не повлиять на соответствующее арбитражное соглашение, так и выбор права, применимого к основному договору, может не применяться к арбитражной оговорке.

Трудно также сделать исключительный акцент на тесной связи с основным договором, с учетом того, что выбранное сторонами место арбитража зачастую более тесно связано с их арбитражным соглашением, например, в случае, когда договорные отношения регулируются местным законодательством государства происхождения одной из сторон, но арбитражное соглашение предусматривает нейтральное место арбитража.

Наконец, применение исключительно права основного договора в отсутствие выбора права сторонами трудно увязать с положениями Нью-йоркской конвенции. Как указывалось выше, в документе прямо закреплено правило выбора права, предусматривающий применение законодательства места арбитража к арбитражному соглашению в отсутствие иного.

Соответственно, в последние несколько десятилетий власти ряда стран все чаще отвергают либо исключительный акцент на праве места арбитража, либо на праве основного договора. Вместо этого, предлагается определять применимое право исходя из совокупности всех обстоятельств дела по правилу наиболее тесной связи.

Однако этот подход также критикуется в связи с большой непредсказуемостью в его применении. Так, если проанализировать решения английских судов, применивших правило наиболее тесной связи, можно обнаружить дихотомию, где, условно, одна половина решений считает право основного контракта имеющим более тесную связь, а другая выступает за место арбитража. Это, по сути, не преодолевает проблему, для решения которой эта коллизийная привязка и была выработана в практике. Так, в деле *Abja International Hotels Ltd v Meridien SAS* [EWHC 87, с. 1-2] было указано следующее: “арбитражное соглашение предусматривает место арбитража в Лондоне и, соответственно, имеет более тесную связь с английским правом”. В деле *C v. D* [EWCA Civ 1282, с. 11] суд пришел к выводу, что “арбитражная оговорка скорее будет регулироваться законодательством места арбитража, чем законодательством базового договора”. Противоположную позицию суд занял в деле *Arsanovia Ltd. v. Cruz City Mauritius*

Holdings [EWHC 3702, с. 9-10], заявив о более тесной связи права основного контракта с арбитражной оговоркой.

Таким образом, в связи с отсутствием четкой логики применения названного критерия, исследователи и практики разработали также и иные критерии, которые будут рассмотрены ниже.

(д) Принцип валидации (*pro-validation rule*)

Отчасти из-за неудовлетворенности как историческими стандартами выбора права, так и современными критериями "наиболее тесной связи" или применения транснациональных принципов, как национальные законодательные органы и суды, так и арбитражные трибуналы все чаще применяют "принцип валидации". Вместо применения абстрактных привязок при выборе системы национального законодательства, регулирующей международные арбитражные соглашения, этот принцип прямо ориентирован на цели таких соглашений и предусматривает применение законодательства юрисдикции, обеспечивающей исполнимость арбитражного соглашения сторон (и соответственно, последующее признание решения трибунала). Заявленная цель этого принципа заключается в реализации подлинных коммерческих намерений сторон и создании про-арбитражного подхода в соответствии с целями Нью-Йоркской конвенции.

С одной стороны, основной недостаток традиционных подходов заключается в том, что они механически выбирают право одной юрисдикции на основе конкретного критерия, при этом мало внимания уделяется целям и коммерческим ожиданиям сторон.

Редко имеется принципиальная основа для вывода о том, что выбор места арбитража является или не является более значимой связью или более существенным показателем намерений сторон, чем право, регулирующее основной договор, или наоборот.

С другой стороны, основная трудность, связанная с правилом наиболее тесной связи заключается в том, что они не дают критерии для определения того, какие факторы свидетельствуют о такой "наиболее тесной связи" в конкретном случае.

Принцип валидации, по мнению ряда ученых, обеспечивает более предсказуемый и обоснованный подход к выбору права, регуливающего международные арбитражные соглашения, в большей степени основанный на истинных намерениях сторон и целях Нью-Йоркской конвенции [6, с. 836]. Право, которое, с точки зрения предпринимателей - сторон арбитражного соглашения, должно регулировать арбитражное соглашение (в отсутствие иного договорного условия), и которое наиболее точно отражает и наилучшим образом соответствует целям такого соглашения, - это право юрисдикции, которое обеспечивает достижение целей сторон при заключении такого соглашения. В отсутствие указаний об ином главной целью сторон при заключении международного арбитражного соглашения является заключение соглашения, которое было бы действительным и подлежащим исполнению и обеспечивало бы эффективное средство нейтрального урегулирования международных споров, независимо от различий в национальном праве.

Если стороны подчинили свой основной договор законодательству, которое в случае его применения к арбитражному соглашению будет признавать его недействительным, презумпция отделмости дает веские основания не применять это законодательство к арбитражному соглашению сторон. Нет смысла также полагать, что стороны намеревались распространить действие законодательства, регуливающего их основной договор, и на предположительно отдельное арбитражное соглашение, если это приведет к признанию недействительным этого соглашения. В этом случае к соглашению сторон об арбитраже предположительно будет

применяться право места арбитража, и наоборот.

По тем же причинам, как отметил профессор Гэри Борн, статья V (1)(a) Нью-Йоркской конвенции полностью соответствует принципу валидации и требует применения этого принципа [Born Gary, 2014, с. 837]. Исходя из того, что эта статья дает сторонам возможность сделать подразумеваемый выбор права, можно прийти к выводу, что стороны обычно подразумевают применение права, которое обеспечивает действительность и исполнимость этого соглашения.

Заключение

Таким образом, по нашему мнению, именно этот принцип должен использоваться для определения применимого права, поскольку он предусматривает гибкость, но в то же время предсказуемость для сторон, а также расширяет возможности по передаче споров в арбитраж.

Библиография

1. Коломиец А. И., Григорьев Т. Ю., Принцип автономности арбитражной оговорки: обзор российской и зарубежной правоприменительной практики // Вестник арбитражной практики — 2017. — №2.
2. Pearson S. *Sulamérica v. Enesa: the Hidden Pro-validation Approach Adopted by the English Courts with Respect to the Proper Law of the Arbitration Agreement* // *Arbitration International*. - 2013. - Volume 29, Issue 1. - С. 115-126.
3. Bantekas E., *Law of the Arbitration Clause: A Challenge to the Prevailing Orthodoxy* // *Journal of International Arbitration*. - 2010. - No. 27 Issue 1. – С.1-9.
4. Czernich D., *The Arbitration Agreement and Arbitrability, The Law Applicable to the Arbitration Agreement* // *Austrian Yearbook on International Arbitration*. - 2015. - №1. - С. 73-86.
5. Lew J.M., Mistellis L., Kroll S. *Comparative International Commercial Arbitration*. - 1st edition, Kluwer Law International, 2003.
6. Born Gary B., *The Law Governing International Arbitration Agreements: An International Perspective* // *Singapore Academy of Law Journal*. - 2014. - №26. - С. 814-848.
7. *Sonatrach Petroleum Co v. Ferrell International Ltd*. 4 October 2001. Colman J. *Commercial Court*. [2001] EWHC 481.
8. Leong H., Tan J. *The Law Governing Arbitration Agreements: BCY v BCZ and Beyond* // *The Singapore Academy of Law Journal*. - 2018. - №.1 (30). - С. 70-96.
9. Blessing M. *Choice of Substantive Law in International Arbitration* // *Journal of International Arbitration*. – 1997. - №14. – С. 39-65.
10. *Abja International Hotels Ltd v Meridien SAS* [2011] EWHC 87.
11. *C v. D* [2007] EWCA Civ 1282.
12. *Arsanovia Ltd. v. Cruz City Mauritius Holdings* [2012] EWHC 3702.

Problems of determination of the law governing arbitration clause

Polina G. Romanova

Student

National Research University Higher School of Economics
101000, Russia, Moscow, st. Myasnitskaya, d. 20
e-mail: pgramanova.hse@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the definition of the law applicable to an arbitration clause as one of the most problematic and insufficiently researched issues in Russian practice and doctrine. The

author concluded that each of the approaches previously used by courts and arbitration tribunals has certain drawbacks: either it provides for too strict regulation, which does not take into account the specifics of the dispute (choice of law of the seat of arbitration or that of the main contract), or does not provide legal certainty, any clear criteria (the rule of the closest connection). It is suggested that these deficiencies should be addressed by applying the principles set out in the New York Convention and the UNCITRAL Model Law, which establish a presumption in favor of the validity of arbitration agreements and the validation principle applicable to the choice of law governing such agreements. This principle allows, first of all, the intention of the parties to submit the dispute to arbitration to be taken into account, provides an alternative choice between the different jurisdictions to which the arbitration agreement relates, while at the same time allowing the state court or arbitral tribunal to determine on a case-by-case basis the need to refer to the specific jurisdiction under whose law the arbitration agreement is likely to be valid and enforceable.

For citation

Romanova P.G. (2019) Problemy opredeleniya prava, primenimogo k arbitrazhnoy ogovorkе [Problems of determination of the law governing arbitration clause]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9 (4A), pp. 86-94.

Keywords

Arbitration agreement, arbitration clause, arbitration, arbitral tribunal, applicable law, New York Convention.

References

1. Kolomiets, AI, Grigoriev, T. Yu., The principle of autonomy of an arbitration clause: a review of Russian and foreign law enforcement practice . *Bulletin of Arbitration Practice* - 2017. - №2.
2. Pearson S. *Sulamérica v. The Arbitration Agreement* . *Arbitration International*. - 2013. - Volume 29, Issue 1. - P. 115-126.
3. Bantekas E., *Law of the Arbitration Clause: A Challenge to the Prevailing Orthodoxy* . *Journal of International Arbitration*. - 2010. - No. 27 Issue 1. - C.1-9.
4. Czernich D., *The Arbitration Agreement and Arbitrability*, *The Austrian Yearbook on International Arbitration*. - 2015. - №1. - pp. 73-86.
5. Lew J.M., Mistellis L., Kroll S. *Comparative International Commercial Arbitration*. - 1st edition, Kluwer Law International, 2003.
6. Born Gary B., *International Law of International Arbitration Agreements: An International Perspective* . *Singapore Academy of Law Journal*. - 2014. - №26. - p. 814-848.
7. *Sonatrach Petroleum Co v. Ferrell International Ltd*. 4 October 2001. Colman J. *Commercial Court*. [2001] EWHC 481.
8. Leong H., Tan J. *The Law of the Arbitration Agreements: BCY v BCZ and Beyond* . *The Singapore Academy of Law Journal*. - 2018. - №.1 (30). - pp. 70-96.
9. Blessing M. *Choice of Substantive Law in International Arbitration* . *Journal of International Arbitration*. - 1997. - №14. - C. 39-65.
10. *Abja International Hotels Ltd v Meridien SAS* [2011] EWHC 87.
11. *C v. D* [2007] EWCA Civ 1282.
12. *Arsanovia Ltd. v. Cruz City Mauritius Holdings* [2012] EWHC 3702.